

О ЗВѢРИНЫХЪ САДКАХЪ.

На 93, 94, 111 страницахъ «Записокъ псового охотника Симбирской губерніи» П. М. Мачеваріанова, говорится о садкахъ, какъ о мѣрѣ, необходимой при натравливаніи молодыхъ собакъ на звѣря; вслѣдствіе того, нѣкоторые изъ молодыхъ охотниковъ недоумѣваютъ: «какимъ порядкомъ они станутъ травить молодыми собаками звѣря, напримѣръ хоть волка, не привалявши ихъ къ звѣрю, за неимѣніемъ *надежнаго, опытнаго и безотѣтнаго волкодава...*» и, слѣдо вѣруя въ правила, преподанныя г. Мачеваріановымъ, они отчаяваются даже *«когда либо принимать волковъ изъ подъ молодыхъ собакъ собственныхъ»* (какъ заявляетъ объ этомъ г. Левашовъ, въ статьѣ своей, помѣщенной въ іюньской книгѣ журнала «Пр. и Ох.» (на стр. 344.)

Такое отчаяніе молодого охотника, или вѣрнѣе—заблужденіе, въ которое ставятъ неправильное заключеніе старыхъ охотниковъ о правилахъ охоты,—вызываетъ, изъ чувства симпатіи къ молодымъ собратамъ по охотѣ, прежде всего, напомнить имъ пословицу: «что не всегда всякому слуху можно вѣрить безусловно.»

Я бѣжу съ борзыми съ 9-лѣтняго возраста, держу собакъ самъ уже тридцать лѣтъ слишкомъ, и мнѣ никогда не встрѣчалось необходимости въ садкахъ, при натравливаніи молодыхъ собакъ на звѣря, не говоря уже о зайцѣ.

Выразившись такимъ образомъ о зайцахъ, я въ видѣ оговорки, считаю необходимымъ доказать, что охотники имѣли полное основаніе полагать разницу между словами «звѣрь» и «заяць». Оговорку эту я позволяю себѣ сдѣлать въ виду того, что г. Мачеваріановъ—охотникамъ, называющимъ гонцовъ по красному звѣрю—«звѣрогонами», на 116 стр. своихъ записокъ, замѣчаетъ съ сарказмомъ: *«какъ будто заяць не звѣрь!»*

Что заяць вообще не домашнее животное, а дикое, и потому, быть можетъ, г. Мачеваріановъ называетъ его звѣремъ,—я противъ этого ничего не скажу; но только, во всякомъ случаѣ, этотъ звѣрь не принадлежитъ къ отряду звѣрей хищныхъ, къ которому зоологами отнесены волкъ и лисица. Вообще всѣ люди привыкли подразумѣвать подъ словомъ «звѣрь» — животное хищное, кровожадное, вслѣдствіе чего нерѣдко выражаются даже о человѣкѣ съ кровожадными наклонностями—*«что это не человекъ, а звѣрь.»* Поэтому, думаю, что и самъ г. Мачеваріановъ, при такомъ отзывѣ о человѣкѣ, не выведетъ заключенія,

бы не должно?.. Я не говорю про прежний вѣкъ, — когда нравы и образы были другіе, когда подобнаго рода развлеченія допускались «сплошь и рядомъ», богатый какой нибудь когда владѣлецъ нѣсколькихъ сотенъ душъ крестьянъ, подъ веселую руку, съ подкутившими своими товарищами, потѣшался садками, на которыхъ въ былое время травливали собаками не только звѣрей, но даже и людей, обшитыхъ въ звѣриныя шкуры... Новъ настоящій вѣкъ — вѣкъ цивилизаціи, прогресса и гуманности, подобнаго рода удовольствія, какую бы пользу ни приносили они дѣлу охоты, относительно натравливанія борзыхъ, — полагаю — должны были бы оставаться непримѣнными. — Да и приносили ли когда либо пользу звѣриныя садки собакамъ?... Посмотримъ, что говорить о нихъ даже г. Мачеваріановъ, который самъ же рекомендуетъ этотъ способъ натравливанія борзыхъ и нагонки тончихъ. На 94 стр. своихъ записокъ, г. Мачеваріановъ, выражается такъ: *«сколько я видѣлъ собакъ, которыя отлично брали волка на садкѣ, но къ дичку не приступались; и наоборотъ: жестокіе, молодецкіе волкодавы не обращали никакого вниманія на садочнаго волка»*. Затѣмъ, на 95 стр., советуетъ, чтобы заставить бѣжать садочнаго волка въ полѣ, *«хорошенько кольнуть его чѣмъ нибудь острымъ»*, и послѣ всего этого, на той же страницѣ, увѣряетъ, что *«послѣ двухъ или трехъ подобныхъ садокъ смѣло надѣйтесь, собаки ваши будутъ брать волка хорошо.»* Интересно при этомъ знать — гдѣ же собаки будутъ брать волка хорошо, на садкѣ или въ полѣ? — На это, я полагаю, и самъ г. Мачеваріановъ утвердительно отвѣтить не можетъ, такъ какъ все это зависитъ отъ случайностей. Предположимъ, что удастся охотнику обмануть старую, злобную, полевою собаку-волкодава, и искуснымъ приготовленіемъ садки она заставитъ собаку принять и садочнаго волка съ молодыми борзыми; — тогда молодыя собаки будутъ и дикаго волка съ «надежнымъ волкодавомъ» брать хорошо съ цѣрваго же поля. Анализируя этотъ способъ натравливанія молодыхъ собакъ, невольно приходишь къ убѣжденію, что на этотъ разъ «садка» остается ни при чемъ, такъ какъ при надежномъ волкодавѣ, молодыя, злобной породы борзые, всегда и въ полѣ принимаютъ дикихъ волковъ хорошо, — иначе молодыя собаки и на садкѣ, устроенной по совету г. Мачеваріанова, и съ «надежнымъ волкодавомъ», не взяли бы поддиченаго сидѣлаго волка. Но если охотнику не удастся обмануть на садкѣ «надежнаго волкодава» и волкодавъ не возьметъ саженаго волка при молодыхъ собакахъ, — то, по словамъ же г. Мачеваріанова выходитъ, что молодыя собаки сровняютъ волка брать не должны, *«такъ какъ дурной примѣръ заразителенъ, и собаки послѣдуютъ ему скорее, чѣмъ хорошему»* (стр. 94). Наконецъ допустимъ, что удастся охотнику частыми садками привалывать молодыхъ собакъ къ волку, даже и безъ «надежнаго волкодава», то опять-таки выходитъ, по словамъ г. Мачеваріанова, *«что садочныя собаки въ полѣ волка дикаго могутъ и не брать»*. Спрашивается теперь: къ чему же садки?... И къ чему это тиранство несчастномъ

плѣннику—волку, когда гораздо удобнѣе привалать или натравить молодыхъ собакъ въ полѣ прямо на дикихъ волковъ?... Эта мѣра натравливанія собакъ, я думаю, принесла бы больше пользы, какъ собакамъ, такъ и краю, гдѣ волки безпощадно уничтожаютъ скотину и гдѣ дѣйствительно нужна серьезная мѣра къ уничтоженію опустошающихъ край хищниковъ.

О заячьихъ же садкахъ я и говорить не стану, на томъ основаніи, что не знаю породы борзыхъ, которыя не брали бы зайца, за исключеніемъ тѣхъ, которыя его не догоняютъ; но для такихъ собакъ «тупицы» и садки не помогутъ, точно также, какъ никакія садки и ничто не заставитъ собакъ незлобной породы сдѣлаться злобачами и волкодавами. Это я говорю по опыту и слова мои провѣрить предлагаю господамъ охотникамъ на дѣлѣ. Я же съ своей стороны, изъ тысячи примѣровъ, могу разсказать одинъ, какъ сопряженный съ чрезвычайно оригинальнымъ происшествіемъ, случившимся со мною на охотѣ: Въ 1864 г., бывшій борзятникомъ моего сосѣда по имѣнію, дворовый человѣкъ, Африканъ Дементьевъ, шатаясь по найму въ должности охотника по всѣмъ угламъ Россіи, откуда-то привелъ съ собою пятимѣсячнаго щенка, половопѣгую псовую суку, которую и предложилъ мнѣ у него купить, объясняя при этомъ, «что щенка этого, въ награду за его услуги, подарилъ ему баринъ, у котораго онъ находился въ услуженіи...» Я велѣлъ ему привести этого щенка и когда его увидѣлъ, то не торгуясь, тотчасъ же заплатилъ за него деньги. Такъ правиленъ и хорошъ былъ этотъ щенокъ, что отъ радости я былъ чуть не на седьмомъ небѣ, приобрѣтя его; и, дѣйствительно—когда погодовала эта сука, то сдѣлалась совершенною красавицею; въ ней было 16½ вершковъ росту, она была вся въ завиткахъ, а такіе глаза, какими она обладала, я рѣдко встрѣчалъ у собакъ въ моей жизни; рѣзвость ея на русакахъ была изумительна, но злобности къ звѣрю въ ней не было никакой... Что я ни дѣлалъ, чтобы привалать ее къ волку—все было безуспѣшно!... Ни садки, ни полевая ѣзда по звѣрю—ничто не помогало. Она четыре осени рыскала за мною въ сворѣ, вмѣстѣ съ моими страшно злобными тремя кобелями, которыми рѣдкую осень я травилъ менѣе семи, восьми волковъ на свору, но никогда она не только не ципала волка, но даже къ нему и близко не подходила. Во все время своей жизни она не взяла мнѣ ни одной лисицы: бывало изобьетъ несчастную на угодкахъ, но если тутъ нѣтъ другой собаки, то лисица все таки непремѣнно уйдетъ. Исключеніе было при единственномъ и чрезвычайно оригинальномъ случаѣ, когда не она лисицу, а лисица ее поймала за ногу—чрезъ что и попала послѣдняя ко мнѣ въ торока.

Это обстоятельство было слѣдующимъ образомъ: я охотился въ Сапожковскомъ уѣздѣ и бралъ выводокъ волковъ въ Нероновской рошѣ, окопанной кругомъ большою канавою; гончія гоняли въ этой рошѣ по волкамъ; я стоялъ въ палѣ по лѣвую сторону отъ роши, за ометомъ гречишной

соломы. Вдругъ вижу—вылѣзъ изъ опушки лѣса шумовой волкъ, постоялъ на канавѣ, осмотрѣлся на всѣ стороны, и наметомъ пошелъ въ чистыя поля, правѣ меня саженъ на сто. Только что онъ поровнялся съ цѣпью охотниковъ, какъ, стоявшій по правую сторону отъ меня, мой борзятникъ спустил собакъ со своры и сталъ показывать волка; волкъ отъ него покосилъ на меня; я, воперечь, саженъ въ шестьдесятъ, подпустилъ своихъ собакъ, но «Нахаль», изъ своры моего борзятника, не допустилъ ихъ и «кубаремъ» покатился съ волкомъ. Пока я собралъ своихъ на свору, а человѣкъ возился еще съ волкомъ (который оказался перелякомъ), стараясь второчить его, чтобы довести до телѣги,—невдалекѣ находившійся пастухъ со стадомъ овецъ, началъ махать намъ шапкой и кричать: «лисица, лисица!...» Я на рыскахъ подался въ сторону пастуха и увидѣлъ матерущую лисицу, которая съ поля, не торопясь, пробиралась въ ту же рощу, гдѣ гоняли гончія, перерѣзая мнѣ дорогу. Я показалъ ее собакамъ... Живо онѣ ее догнали и стали угонять... угонокъ тридцать дали ей собаки, но захватить ее никакъ не могли,—такая «садкая» попалась, проклятая! перебила всѣхъ собакъ моихъ до того, что кобели «затянулись». Канава же, на грѣхъ находившаяся тутъ кругомъ рощи, не мало способствовала лисицѣ увертываться. Я думалъ, что ужъ она «отдѣлалась», какъ вдругъ отрывается отъ всѣхъ собакъ моя ненаглядная «Дара» (такъ кликали эту суку) и, какъ бы изъ признательности къ хозяину, ловить лисицу за самый кончикъ пушистаго ея хвоста, т. е. за конецъ «трубы!...» Одинъ моментъ—и лисица влѣпилась въ лѣвую переднюю ногу Дары! Полатившись за свою смѣлость, добросердечная Дара бросила хвостъ лисицы и, разинувъ ротъ, визжала благимъ матомъ, но вдругъ подоспѣвшіе вѣрные ея товарищи по сворѣ, оторвали отъ ней лисицу и жестоко отомстили послѣдней за оскорбленіе своей товарки. По осмотрѣ мною ноги у Дары, оказалось, что сломавшійся лисій клыкъ остался въ ногѣ и хотя мною и былъ вынутъ изъ раны, немедленно по приѣздѣ на квартиру,—но сука все таки не переставала хромать до самыхъ глубокихъ порошъ. Это обстоятельство только упрочило незлобность Дары, а приведенный мною рассказъ былъ не единственнымъ случаемъ въ моей жизни, въ которомъ я, несмотря на всевозможныя мѣры, принимаемыя для того, чтобы привалить незлобную собаку къ звѣрю, только даромъ тратилъ труды и время.

Но случается, что собаки и злобной породы иногда вовсе не берутъ волка или берутъ его плохо, неохотно. Это объясняется двумя причинами: или плохимъ воспитаніемъ собаки въ щенячествѣ или виною самого хозяина, который трусостью своею, а иногда неумѣстною горячностью въ полѣ или неумѣлостью, при приѣмкѣ звѣря, нерѣдко обесчеловѣчиваетъ собаку къ звѣрю на всю ея жизнь. Но объ этомъ мы поговоримъ когда нибудь въ другое время, а теперь, оканчивая мою статью о звѣриныхъ садкахъ, я постараюсь объяснить способъ натравливанія

молодыхъ борзыхъ прямо на дивихъ волковъ, вполне замѣняющій все возможные садки,—съ большою пользою для собакъ и края, гдѣ волки обрѣтаются.

—Я не буду говорить это для охотниковъ, у которыхъ есть стаи гончихъ и которые уже охотились по волкамъ: въ такой охотѣ немислимо предполагать, чтобы не было борзыхъ бравшихъ уже волка; а при такихъ старыхъ собакахъ и молодыя, въ сворѣ, съ перваго же поля должны брать звѣря, безъ особенныхъ для того натравливаній и безо всякихъ предварительныхъ садокъ. Сначала быть можетъ молодая собака приметъ волка не такъ ловко, какъ старая, но затѣмъ, постепенно втягиваясь, она очень скоро будетъ брать волковъ такъ-же, какъ берутъ ихъ собаки уже опытные; при этомъ повторяю—*если только собака та злобной породы*;—незлой же породы собаки, никогда, ни посредствомъ садокъ, ни посредствомъ полевой ѣзды по волку,—не сдѣлаются злобачами, вслѣдствіе чего охотники чрезвычайно дорого и цѣнятъ въ собакахъ породу.

Вообще для молодой борзой собаки важны первыя поля, точно также какъ и для легавой,—съ тою только разницею, что легавыхъ собакъ дрессируютъ, а всякая дрессировка въ борзыхъ убиваетъ энергію и лишаетъ ихъ врожденной имъ азартности и злобы, поэтому дрессировать борзую собаку никогда не слѣдуетъ, точно также, какъ не должно никогда грубо обращаться съ ними и, того хуже—бить ихъ; наоборотъ, всевозможными способами нужно стараться развивать въ нихъ энергію и, главное, непременно надо съ борзыми быть ласковымъ. Какъ ружейный охотникъ по красной дичи—никогда не станетъ первыя поля натаскивать молодую свою легавую собаку по уткамъ, такъ и псовый охотникъ по волкамъ—долженъ стараться, съ первыхъ полей, молодую свою борзую насадить прямо на волка. Для этого псовый охотникъ долженъ обыскать взводокъ волковъ, и, въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца, съ молодыми собаками на сворѣ, онъ очень рано, на утренней зарѣ, даже и безъ старыхъ собакъ, обязанъ черезъ день выѣзжать къ тому острову, въ которомъ волки найдены и, ставъ съ лошадыю и собаками въ опушку того лѣса задомъ, а лицомъ въ поле, со стороны, въ которую волки ходятъ на добычу, долженъ ожидать ихъ возвращенія съ похода. Такимъ образомъ, встрѣчая волковъ съ поля, охотникъ долженъ пропустить въ островъ «матерыхъ» и, выбравъ «прибылого» волченка, показать его собакамъ. Въ это время, т. е. въ августъ мѣсяцъ—прибылые волки бываютъ очень робки, чрезвычайно плохо бѣгутъ и притомъ плохо защищаются; вся защита ихъ выражается двумя способами: или волченкомъ, выражаясь по охотничьи, «оттерпливается» отъ собакъ, т. е. старается, по мѣрѣ возможности, не защищаясь, добратся до острова, гдѣ можетъ и скрыться отъ преслѣдованія,—или, какъ только догонять его собаки, онъ опрокидывается на спину, какъ нерѣдко дѣлаютъ это щенки передъ старыми собаками, вслѣдствіе чего охотнику, въ обоихъ случа-

яхъ, нетрудно бываетъ принять такого волка, котораго онъ долженъ тотчасъ же приколоть ножомъ подъ переднюю лопатку въ бокъ, и затѣмъ, таская за ногу, продолжать «улюлюкать» собакамъ; когда же собаки влѣзутъ въ волка, то охотникъ долженъ ихъ приласкать, погладивъ рукою по спинѣ каждую собаку, приговаривая по кличкамъ собакъ: «ого-го-го, Наянушка! улюлю-лю!..» и т. п., но при этомъ никакъ не долженъ онъ гладить собаку по головѣ и щипцу, отчего можетъ собака отрываться отъ волка и, перемѣщаясь изъ мѣста въ мѣсто, можетъ сдѣлать привычку всегда отрываться отъ звѣря, а чрезъ то никогда не будетъ держать звѣря «плотно». Точно также, принимая волка, охотникъ не долженъ, при молодыхъ собакахъ, бить его кистенемъ арапника, такъ какъ, кромѣ того, что онъ можетъ отмахнуть посунувшуюся къ звѣрю собаку, онъ легко можетъ вмѣсто волка убить ее или, зацѣпивши вскользь, обезохотить ее къ звѣрю на всю ея жизнь.

Такъ какъ вся эта травля волковъ «на-зарѣ» ограничивается большею частью однимъ, много—двумя прибылыми волками (я говорю про охоту съ молодыми собаками), то другимъ сворамъ дожидаться нечего и потому онѣ должны точно также подпустить своихъ собакъ къ волку, тохя бы даже и заколотому, для того только, чтобы и тѣ собаки могли помять его, вмѣстѣ съ собаками прежней или взявшей волка своры. Такимъ порядкомъ перетравивши заводокъ волковъ молодыми собаками, впродолженіи конечно не одного дня, къ настоящей осенней охотѣ смѣло можно надѣяться, что собаки эти волковъ будутъ брать хорошо. Я перетравилъ не одинъ заводокъ волковъ такимъ порядкомъ съ молодыми собаками и пришелъ къ тому убѣжденію, что лучше этого способа для натравливанія борзыхъ другого нѣтъ. Мнѣ на это могутъ замѣтить: «Почему же нельзя натравить молодыхъ собакъ на волка, производя охоту на волковъ вмѣстѣ съ гончими?...» на это я отвѣчу:—можно, но не совсѣмъ удобно по слѣдующимъ причинамъ: 1) Приготовить молодыхъ собакъ нужно къ отъѣзжу на поле, слѣдовательно необходимо ознакомить ихъ съ звѣремъ заблаговременно, т. е. не позднѣе августа или первыхъ чиселъ сентября, а въ это время хорошихъ гончихъ не выпустятъ ни одного прибылого волка изъ острова, —переловятъ ихъ въ острову, —плохія-же гончія никогда въ поле его не выгонятъ, такъ какъ въ это время гоньба по волку гораздо труднѣе для гончихъ, нежели въ октябрѣ мѣсяцѣ, 2) Допустимъ, что охотникъ найдетъ изъ подъ гончихъ волка съ молодыми борзыми, которые очень легко могутъ въ первый разъ не принять плотно волка,—онъ вернулся въ островъ, увелъ за собою собакъ, собаки побросались къ гончимъ, сбили послѣднихъ, словомъ произвели такую кутерьму, отъ которой, кромѣ вреда, какъ борзымъ такъ и гончимъ, другого быть ничего не можетъ. Наконецъ можетъ же борзятникъ «обозрѣться» и, вмѣсто прибылого, показать собакамъ перепарка—даже матерого волка, который могъ побѣждать на него и ежой полынной или неюсю. гдѣ разсмотрѣть волка бываетъ нелегко.

и тогда молодые собаки могут не только не взять его, но даже и не догнать, между тѣмъ какъ волкъ можетъ ихъ втереть въ стадо овецъ, и тогда цѣлая исторія въ перспективѣ съ крестьянами, пользы же борзымъ кромѣ вреда, опять никакой. Да всѣхъ этихъ неудобствъ и не перечтешь на бумагѣ, а главное и пересчитывать то ихъ не стоитъ,—такъ какъ каждый сомнѣвающийся охотникъ можетъ все это провѣрить, на дѣлѣ. Относительно же обыска волковъ я постараюсь поговорить, съ желающими изучить дѣло охоты по звѣрю, въ слѣдующій разъ, такъ какъ при этомъ необходимо будетъ сказать нѣсколько словъ и о вабельщикѣ, которому нѣкоторые охотники, (какъ напр: г. Левашовъ, на 343 стр. июньской книжки журнала, «Пр. и Ох.»), придаютъ черезъ-чуръ ужъ большое значеніе въ дѣлѣ обыска, тогда какъ на самомъ дѣлѣ вабельщикъ необходимъ бываетъ при лсовой охотѣ только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ.

П. М. Губинъ.

С. Апушка, Шацкого уѣзда.

1879 года, ноября 20 дня.